

Валерий Михайлович Хромов:

- Село Козлово было большое, 250 дворов. Растянулось на две улицы. В нашем доме было четверо мужчин – отец и три брата, а еще мама и сестра. Мне, самому младшему, исполнился год, когда началась Великая Отечественная... Хорошо помню рассказы родных и друзей о начале войны. Треть села – самые крепкие мужчины и парни – ушли на фронт в первые же дни, в том числе и мой отец Михаил Константинович. Брат Николай тоже покинул дом, став курсантом летного военного училища, а Леонид ушел воевать в 1942-м, еще не достигнув и 18 лет. Провожали мужиков всем селом. Вселенский плач пугал неизвестностью: что ждёт впереди, как выживем, справимся ли?

Треугольники с фронта приходили с трех сторон. От отца – из-под Москвы (он служил в стройбате). От Николая – воевал в дальней бомбардировочной авиации. От Леонида – с Дальневосточного фронта. И все трое не жаловались на тяготы войны. Сообщали: у нас всё нормально. Живы, здоровы. И нас просили держаться, беречь друг друга.

Матушка моя Пелагея Матвеевна – колхозница. Весь световой день – в поле, пахала, считай, за себя и троих мужчин, ушедших защищать Родину. И так работали все. Мы с братом Володей (на 5 лет постарше меня) оставались на домашнем хозяйстве. В то время мы выросли рано, и уже в детском возрасте я работал в огороде наравне с ним. Сажали много картошки, овощей, зелени. Слушали наставления мамы: как полоть, рыхлить, как управлять коровушкой, когда придет домой с пастьбы. Я видел, как по весне копали люди в полях замороженную картошку, делали из неё крахмал, сушили на крышах. Запах исходил тошнотворный, как облако, окутывал село. Зато из этого крахмала выпекались вполне съедобные лепешки.

На память пришел один эпизод из детства. Мама, как всегда, встав ещё до рассвета, сварила картошки чугунок, два куска хлеба отрезала. День к полудню. Мы собрались перекусить. И вдруг перед открытым окном, как привидение, очень бледная, худая женщина. Встала на колени с молитвой, просит милостыню. А сама, гляди того, упадет от истощения. Не смогли мы ей отказать, отдали оба ломтя, что нам предназначались. И не догадались расспросить, откуда она и куда путь держит. Вечером хлебали щи без хлеба. Ну, ничего страшного. Зато, может, человека спасли...